

УДК 811.512.1: 792.028.3

Г. Е. Крейдлин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**Языки тела малочисленных народов России:
жестовый код телеутов***

Анализируются ядерные единицы языка тела телеутов – одного из коренных малочисленных народов России. В фокусе внимания находятся жесты и жестовые последовательности, которые автор наблюдал непосредственно в ходе полевой работы с информантами в телеутских селах Сибири. Выявлены содержательные корреляции между телесными знаками, которыми пользуются в быту телеуты, и их жизненными верованиями, позициями и правилами бытового поведения.

Ключевые слова: телеуты, Сибирь, семиотическая концептуализация тела, жесты, полевое исследование.

1. Постановка задачи

Каждый народ видит устройство своего культурного и социального бытия в особой проекции, которую принято называть *национальной концептуализацией мира*. Изучая, как в том или ином естественном языке и в соответствующем ему невербальном знаковом коде (в частности, телесном коде, или языке тела) выражаются представления, мысли и чувства обычных людей, не обладающих специальными знаниями, лингвисты и семиотики строят так называемую *наивную* национальную семиотическую концептуализацию данного фрагмента мира. По сути, она является моделью того, как видит данный фрагмент обычный носитель языка, как воспринимает его, что и как говорит о нем. При построении такой модели исследователи обращают основное внимание на *существенные объекты и свойства*, относящиеся к интересующей их системе человека или к данному фрагменту мира, отделяя ядерные элементы от периферических. В том случае, когда нужно понять, как воспринимают некоторый фрагмент мира ученые и дру-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ, проект № 14-04-00556).

Григорий Ефимович Крейдлин – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., д. 6, Москва, 125267, Россия; ge_kreydlin@il-rggu.ru)

гие специалисты, строится уже не наивная, а *научная*, или *профессиональная, концептуализация данного фрагмента*. Аналогично, для понимания, квалификации и оценки фольклорных представлений создается *фольклорная модель*, или *фольклорная концептуализация*; можно говорить также о *художественной, поэтической, публицистической, политической* и др. *концептуализации*.

Есть, однако, на Земле народы и этносы реликтовых культур и языков, у которых бытовая жизнь в существенной мере подчинена архаике, складывающейся из веры, воззрений, установлений и правил поведения. Для них задача построения наивной концептуализации и описания типовых способов вербального и невербального знакового отображения мира фактически тождественна задаче построения фольклорной концептуализации.

В настоящей работе нам хотелось бы обратить внимание на один такой народ и, прежде всего, на его *телесную культуру*, точнее, на отдельные единицы жестового знакового кода, которым представители данного народа активно пользуются в устной коммуникации либо вместе с речью, либо без нее. Речь пойдет о телеутах – коренном малочисленном народе Сибири. Основной вопрос, который мы хотим здесь поставить и обсудить, – это существуют ли какие-нибудь значимые корреляции между телесными знаками, которыми пользуются в быту телеуты, и их жизненными верованиями, позициями и правилами поведения.

Небольшая историческая справка

Телеу́ты – это коренной малочисленный народ Сибири, сегодня, по большей части, компактно проживающий в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области. Численность телеутов на территории Российской Федерации по демографическим данным на 2010 г. – 2 640 человек. Сегодня их примерно 3 000 человек, из которых почти 2 500 проживает в Кемеровской области; большинство из них (около 1 500 человек) живут в селе Беково¹.

Предками телеутов считаются тюркские племена теле, жившие в Центральной Азии, а первое упоминание о телеутах датируется 1601 годом. В XVII в. их называли *белыми калмыками*, и это имя как самоназвание иногда используется и сейчас. В XIX – начале XX столетия сложилось несколько этнических групп телеутов, проживающих на разных, но компактно расположенных территориях. Это бачатская, томская, чумышская и алтайская группы. Основными занятиями телеутов у каждой из групп были кочевое скотоводство (в особенности коневодство) и свиноводство, земледелие и охота (концепт «охота» и его языковые реализации у телеутов подробно разобраны в статье [Араева, Ли, 2014]).

Телеуты знают, к какому роду, или, как они говорят сами, *касте*, они принадлежат, и стараются передавать эти знания молодым (о родственных отношениях телеутов и о том, как они выражаются в телеутском языке, см. [Араева, Тарасова, 2013], о телеутской свадьбе см. [Араева, Андропова, Фаломкина, 2014]). У телеутов свои праздники, есть особые обычаи, своя культура поведения, своя одежда, любимая еда.

Традиционная религия телеутов – шаманизм, но с 90-х гг. XIX в. в среде телеутов преобладает православие (о шаманизме как чрезвычайно важном фрагменте телеутской картины мира см. работу [Араева, Образцова, Зоболева, 2014]).

Еще в начале XX в. телеуты жили в *аланчыках* – так называли каркасные конусные постройки из жердей и коры или бересты. А сегодня все живут в домах, причем чаще всего в отдельных домах. Телеутские семьи, как правило, очень большие, но молодежь из семей обычно уезжает на работу или на учебу в круп-

---

¹ Статистические данные взяты нами с сайта «Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия». URL: <http://megabook.ru/article/Телеуты>

ные города, преимущественно Сибири и Алтая, а также за пределы России. А потому в домах сейчас живут, главным образом, немногочисленные люди старшего поколения, к которым дети и внуки, впрочем, часто приезжают в отпуск, на праздники или каникулы.

Телеутский язык относится к тюркской ветви алтайской семьи языков. Его письменность основана на кириллице.

В фокусе внимания настоящей статьи находятся жесты и жестовые последовательности, которые мы наблюдали сами непосредственно в ходе полевой работы с информантами. Эта работа проводилась и продолжает проводиться в рамках исследовательского проекта, осуществляемого под руководством проф. Л. А. Араевой. Участниками проекта являются ряд преподавателей, аспирантов и студентов Кемеровского государственного университета и автор этой статьи, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

На начальном этапе работы над проектом мы несколько раз выезжали в составе небольшой исследовательской группы в телеутские поселения для знакомства с их жителями и для бесед с информантами. У каждого из членов экспедиции, как правило, были свои цели, задачи и интересы.

Меня интересовало, прежде всего, невербальное знаковое поведение телеутов в устной коммуникации двух жанровых разновидностей – в диалогической речи (а именно, во время интервью, которые я проводил с взрослыми телеутами) и в монологической речи (в последнем случае изучались свободные рассказы телеутов об их жизни). Я хотел понять и оценить, насколько в телеутской среде сохранилась традиционная невербальная культура и каково ее влияние на современную бытовую жизнь телеутов. Столь же важной является задача выявления символического смысла, порядка проведения и техники исполнения невербальных и смешанных, то есть вербально-невербальных народных телеутских обрядов, самобытных по тематике, исполнению и содержанию.

Телесные знаки, как и языковые, записывались нами на видео в селах Беково и Шанда во время интервью и в ходе монологического повествования женщин и мужчин – жителей телеутских сел. Особую область наблюдения составили общие механизмы и конкретные способы взаимодействия языковых и неязыковых знаков в акте устной коммуникации. Описание и моделирование такого взаимодействия составляет центральную часть проблемы, которую в лингвистической и семиотической литературе принято называть проблемой мультимодальности (см. о ней, например: [Кибрик, 2010; Крейдлин, 2014а; 2014б; Cohen, Oviatt, 2006; Perspectives on multimodality..., 2004]).

Кроме того, на видео был снят ряд невербальных² и смешанных ритуалов, детальному анализу которых мы надеемся посвятить отдельную статью. За пределами данной публикации остались также многие другие жанры устной коммуникации телеутов, такие как, например, их разговоры друг с другом, беседы взрослых телеутов с детьми или диалоги телеутских детей и др. По этой причине некоторые из сделанных нами здесь выводов и теоретических обобщений могут быть приняты только с надлежащими поправками.

В любом случае, впервые в мировой практике телесный язык и невербальные модели поведения самобытного малочисленного народа Сибири, каковым является телеутский народ, стали объектом системного исследования и описания. Это позволяет включить собранные и проанализированные материалы, относящиеся к проблеме мультимодальности, в научный оборот и далее решать задачи изучения, сохранения и развития не только телеутского языка, но и телеутского языка жестов.

---

² О понятии невербального ритуала см. работу [Крейдлин, Переверзева, 2013].

2. Жесты телеутов и особенности их телесного поведения

Плодотворность расшифровки социальных и культурных невербальных знаковых кодов в их соотношении с вербальными кодами сегодня едва ли вызывает у кого-то сомнения. Дискурсивные механизмы взаимодействия и коммуникативная практика людей тесно связаны с реалиями и потребностями общения. Семантические области, в которых существуют и проявляют себя жесты, рассматриваемые здесь нами широко – как собственно жесты (жесты рук, ног, плеч и головы), знаковые статичные положения тела (позы), мимика (выражения лица), знаковые касания и взгляды, знаковые телодвижения и смешанные формы поведения (манеры), – тоже являются в значительной степени социально и культурно обусловленными.

В традиционной дихотомии «языковые – неязыковые (телесные) знаки» главенствующая роль почти всегда отводится первому компоненту пары – просто в силу того, что естественный язык имеет безоговорочный приоритет над коммуникативными невербальными знаковыми кодами. Впрочем, среди народов, живущих на Земле, есть, так сказать, «молчаливые» народы, представители которых часто отдают предпочтение невербальному общению в тех ситуациях, где другие пользуются преимущественно языком и речью. Из многих изученных нами культур и народов к таким, безусловно, принадлежат финны.

Финская культура отличается простотой, безыскусственностью, молчанием и ограничением языкового кода, так что финны, если на то нет необходимости, даже не будут с вами разговаривать. Финны жестикулируют, но их жестовый язык сильно редуцирован физически и чересчур скромный лексически (см. об этом: [Крейдлин, 2007; 2009]). К столь же не слишком разговорчивым людям принадлежат и телеуты.

Преимущественное молчание предполагает особую жестовую драматургию текста. Когда телеут молчит, его жесты, в особенности жесты рук и позы, очень выразительны. Позы стоящих или сидящих телеутских мужчин и женщин закрыты; при этом одна рука человека часто покоится на другой, как бы препятствуя ее случайному движению (см. об этом ниже). Руки телеутов расположены близко к верхней части корпуса, прикрывая его, или одна рука опущена вниз, а другая держит ее или какой-то предмет.

Такой знаковый комплекс в невербальной семиотике, а точнее, в одном из ее основных разделов – кинесике (науке о жестах, жестовых процессах и жестовых системах) называют *комплексом узких жестов*.

Инструментальные жесты

Наиболее свободно чувствуют себя телеуты в употреблении так называемых *инструментальных жестов*, к которым относятся жесты рук, ног, плеч и головы, а также позы, способствующие выполнению тех или иных хозяйственных задач. Такие знаки телесного кода хорошо согласуются с единицами другого – акционального – кода, в который входят разнообразные телесные движения и практические действия.

Вот хозяйка стоит возле плиты на кухне, она готовит пищу и затем накрывает стол для приема гостей. При этом женщина совершает большое число незнакомых, чисто утилитарных движений, демонстрируя, по М. Моссу, утилитарную технику тела, или *technique du corps* (см.: [Мосс, 1996, с. 242–263]). Она, как это называется по-русски, *хлопочет по хозяйству*, между тем как ее муж, хозяин, «скромно» стоит в углу, держась рукой за угол холодильника и не принимая никакого участия ни в подготовке стола, ни в сопровождающей хлопоты беседе. По большей части он просто стоит и курит.

Хозяйка и ее родственница за это время успевают не только накрыть стол, поставив на него, помимо посуды и приборов, обычную еду – салат, картошку, помидоры, колбасу... Одновременно обе женщины активно отвечают на мои вопросы о самых разных обстоятельствах телеутской жизни: о том, как телеутские юноши и мужчины ухаживали раньше за девушками и женщинами, о традиционных невербальных жестах прихорашивания (*grooming gestures*), о том, как проходило застолье, и об особенностях общения во время застолья, о гостеприимстве и еще о многом другом.

К инструментальным жестам, свойственным телеутским женщинам, относится, например, *удерживание двумя руками* на плите *сковороды*, на которой готовится мясо или жарятся пельмени (обычная начинка пельменей – конина), и когда блюдо готово, двумя же руками сковорода ставится на стол. А вот еще один пример инструментального жеста, свойственного телеутам: гостям перед едой *подают полотенце*, которое не висит на вешалке, а его держит на руках хозяин или хозяйка.

Жесты ухаживания

Жестовые возможности у телеутов в плане ухаживания были весьма ограниченными. Если в особых случаях разрешалось взять понравившуюся девушку или женщину за руку, реже – за талию, то погладить или обнять ее, не говоря уже о том, чтобы поцеловать, было нельзя – «Нет, это было нельзя, это стыд», как говорили мне телеутки. И собственно процесс ухаживания был непродолжительным, и *жесты ухаживания* – только мужчин по отношению к женщинам – были количественно ограниченными и качественно скупыми, однообразными и скромными по исполнению.

Жестовые ударения и другие виды иллюстративных жестов³ в свободном повествовании телеутов

Когда телеуты нам что-то рассказывали, а по большей части рассказчицами были женщины, они производили относительно небольшое число иллюстративных жестов, или иллюстраторов. Преимущественно это всё были *жестовые ударения*⁴, основное назначение которых выделять важные, по мнению говорящего, компоненты высказывания.

Из жестовых ударений наиболее частотными в речи и женщин и мужчин были *отведение руки в сторону и взмах руки сверху вниз*. У женщин эти движения более мягкие, у мужчин – более резкие.

Телеутские женщины более словоохотливы и говорят в норме более высоким тоном, чем мужчины. Однако, когда они отвлекались от рассказа и обращались с репликами в сторону, к телеутским мужчинам, вступающим в разговор, тон их голосов заметно снижался и говорили они при этом с мужчинами тише, чем с на-

---

³ Иллюстративными жестами, или иллюстраторами, в кинесике называют жесты, которые в коммуникативном акте всегда выступают вместе с речью. Иллюстративные жесты противопоставляются эмблематическим жестам, исполняемым в норме без речевого сопровождения, и регулятивным жестам, которые в коммуникативном акте могут употребляться как вместе с речью, так и без нее, но отличаются от первых двух семиотических классов жестов функционально – они служат невербальными маркерами начала, продолжения и конца диалога. См. о них подробно в книге [Крейдлин, 2002].

⁴ О жестовых ударениях и их разных семантических типах см.: [Крейдлин, 2006].

ми или с другими телеутскими женщинами⁵. Одновременно спадала и так не слишком высокая жестовая активность. В частности, так было в диалогах со «своими» мужчинами, когда те «вторгались» в рассказ женщин, обращенный к нам. Телеутки в этих случаях, во-первых, использовали по отношению к ним только мягкий вариант жестового удара, а во-вторых, делали это очень редко.

Возможно, телеутки между собой обычно говорят «о своем» и им не нужно повышать тон голоса, поскольку разговор между своими всегда тише, если нет заведомо конфликтной ситуации. Включение в беседу чужого (в частности, нас) – это всегда расширение пространства и социального, и физического, а такое расширение требует большей громкости и большей эксплицитности разговора.

Отмеченные особенности параязыкового и кинетического поведения в разговорах между телеутскими женщинами и мужчинами можно, как кажется, объяснить традиционной для телеутских женщин подчиненностью, или субординативностью, по отношению к мужчинам. Последняя проявляется в послушании или уважительности к мужчинам, в скромности женского поведения, а также в снижении градуса иногда возникавшего спора или полемики и в большей интимности общения.

В известном обзоре литературы по вопросам подчиненности и доминанции У. Норд пишет: «It has also been well established, at least in our culture, that females supply greater amounts of conformity under almost all conditions than males» [Nord, 1969, p. 208], то есть «было также точно установлено, что по крайней мере в нашей (то есть европейской. – Г. К.) культуре едва ли не во всех ситуациях женщины занимают подчиненную позицию значительно чаще, чем мужчины».

В течение долгого времени считалось, что гендерные различия в социально обусловленных формах поведения, таких как послушание и подчинение, то есть в конформизме в широком смысле слова, являются производными от тех ролей, которые предписаны мужчинам и женщинам в культуре⁶. Это утверждение согласуется с тем установленным эмпирически фактом, что женщины чаще, чем мужчины, подвергаются общественному и индивидуальному давлению. Меньшая, чем у мужчин, восприимчивость женщин к внешнему давлению объяснялась тем, что по культурным и этикетным нормам женщине предписывалось быть более пластичной, уступчивой, податливой, послушной и покорной, и эти нормы подавляют личностные факторы, такие как особенности характера, темперамент и пр.

Сегодня при описании гендерных различий в невербальном поведении исследователи принимают во внимание уже гораздо большее число содержательных характеристик. В научный оборот вводятся более тонкие признаки, оппозиции и оценки, и среди них групповое vs личное давление, наличие vs отсутствие при разговоре сторонних наблюдателей, стремление достичь личной выгоды vs получить преимущества для другого лица или организации (учреждения, завода, шахты и т. д.). Учитываются также социальный статус лица и отношение к лицу в коллективе, психотип личности, умение vs желание строго контролировать свое поведение и еще очень многие другие характеристики. К сожалению, пока у нас слишком мало данных, чтобы определить степень влияния этих параметров на жестовое и параязыковое гендерное поведение телеутов и на эволюцию такого поведения в условиях языкового и этнокультурного контакта с русским и другими народами, населяющими Сибирь.

---

⁵ А дети, как говорили нам телеуты, свой родной язык уже знают плохо, а то и совсем не знают. «Правнуки на нашем языке не говорят, только по-русски говорят» – так сказали нам две пожилые телеутки.

⁶ См. об этом, в частности, в статье [Sistrunk, McDavid, 1971, p. 200].

Мимические жесты

А. В процессе наблюдения над поведением телеутов было замечено, что телеутки лучше, чем телеуты, распознают по невербальным ключам эмоциональное состояние у лиц противоположного пола, между тем как различие в собственно жестовом способе выражения эмоций у телеутских мужчин и женщин сглажено. Скорее, это различие более резко проявляется в области «*понимающих*» *взглядов*, в мимических жестах *нахмуренных и поднятых бровей* и некоторых других знаковых выражениях лица.

Ранее на культурно и социально разнообразном невербальном и смешанном материале было показано, что семантические области, в которых существуют и проявляют себя мимические жесты, в значительной степени являются культурно обусловленными. В невербальной культуре телеутов выражения лица в основном закреплены за семантической областью, которую условно можно отнести к контролю собственного поведения в акте коммуникации, поведения партнера и самого процесса коммуникации.

В культуре телеутов выражения лица передают лишь сильные эмоции, такие как гордость, любовь, сильное раздражение, неприятие и т. п., в то время как слабые эмоции – удовлетворенность, спокойствие, скука и пр., если и выражаются невербально, то как-то иначе.

Многие исследования в области социальной психологии и теории диалога показали неправомочность и в целом неправильность многих категоричных утверждений о мимических проявлениях у людей одной культуры. Были обнаружены другие модели и формы поведения, главным образом невербальные, различающие даже людей внутри одного пола, и эти модели и формы казались исключением из общих закономерностей поведения.

Проведенные на большом и разнообразном культурном и социальном материале многофакторные эксперименты в сочетании с последующей статистически достоверной обработкой полученных данных показали, в частности, что наблюдаемые в полевых условиях гендерные различия по доминации / подчиненности могут быть мотивированы гораздо более сложными факторами, чем простые культурные предписания женщинам и мужчинам вести себя так-то и так-то в данной ситуации. Культурные наставления и рекомендации полам являются лишь одним из многих в равной мере ценных и равно значимых признаков, описывающих подчиненное или доминантное поведение.

По сути дела, сегодня уже повсеместно признано, что, хотя женщины в определенных типах диалога между людьми разных полов и в определенных типах ситуаций, которых, по-видимому, больше, занимают, как правило, подчиненную позицию, в других ситуациях они же предстают более доминантными и менее конформными, чем мужчины. В частности, к инверсии культурно обусловленных коммуникативных ролей могут привести особый характер и важность решаемой в данном акте коммуникации задачи, личностные характеристики людей разных полов, ведущих между собой диалог, жанр и тон беседы.

Сводить же объяснение всех различий поведения женщины и мужчины в диалоге между ними единственно к различию в полах является в высшей степени надуманным и совершенно неэффективным с научной точки зрения.

В. Когда телеуткам во время их рассказа задавали уточняющие вопросы, так или иначе затрагивающие какие-то стороны их личной жизни, они смущались, о чем свидетельствовала соответствующая улыбка, и как бы отмахивались от вопроса, исполняя жест *движение руки сверху вниз и в сторону*. При этом они исполняли жест, омонимичный жестовому ударению и относящийся к классу так называемых *off-gestures* (*жестов удаления из личного пространства жестикулирующего*), выделенных известной немецкой исследовательницей жестов

К. Мюллер (Cornelia Müller) и подробно разобранных ею в недавнем докладе на I Международной конференции по когнитивной семиотике в г. Лунде (Швеция).

С. Весьма частотными и значимыми в коммуникативных актах телеутов являются *жесты* говорящего, *подчеркивающие его уверенность и убежденность в сказанном*. Это, прежде всего, совершаемый сидящим рассказчиком или интервьюируемым жест *указательным пальцем вниз рядом* или *перед собой* – жест, не входящий в лексикон традиционных русских жестов. Он исполняется уверенным и энергичным движением и служит, помимо указанных семантических идей, маркером важности сказанного.

Кроме того, к знакам, уверенно подкрепляющим сказанное, относится более привычный нам жест-аккомпаниатор (то есть жест, сопровождающий повествование)⁷ – *выдвижение руки вперед или вперед и вверх с раскрытой ладонью*. Такое же по форме телесное знаковое движение применяется и для отсылки к реальным событиям или их фрагментам, далеко отстоящим по времени от актуального.

Вот мужчина-телеут, лет 65, рассказывает: «Он на фронте был, там на Симонском был, на немецкой границе...», и эти высказывания сопровождаются широкими жестами руки вверх и вперед. Я спрашиваю его: «А работал ты где?» (у телеутов обращение на «ты» – дело обычное), на что опять следует такой же жест со словами «Да на шахте», показывая, в какой примерно стороне находится шахта и что она довольно далеко от места, где мы находимся.

Д. Что касается *жестов актуального членения повествования*, таких как, например, жест представления новой темы или некоторого поворота старой темы, то это, как и в русской культуре, всё жесты, *производимые открытой вверх ладонью руки, как бы предъявляемой адресату*. Более редкий, эмфатический вариант того же жеста, производимый *ладонями обеих рук*, замечен нами лишь в исполнении телеутских женщин.

Зато для телеутских мужчин среднего и старшего возраста, которые чуть ли не все курят сигареты, весьма характерны – назовем их так – жесты курильщиков.

Жесты курильщиков

В проведенном нами мониторинге и в собранном на его основе корпусе видеотекстов запечатлены только *жесты* рук и статические *позы курящих*. Между тем не меньший интерес представляет сам ритуал, связанный с курением сигареты (курение сигар или трубки мы не наблюдали).

Человек разминает сигарету, постукивает ею, покручивает, затем прикуривает, втягивает и выпускает дым. И кажется, что чем медленнее происходит весь этот процесс, тем большим ощущается внутреннее напряжение курящего человека, или же он над чем-то задумался. Скорость выдыхания дыма тоже связана с актуальным психическим состоянием либо с мыслительной деятельностью человека.

Мужчина, довольный тем, как протекает беседа, находящийся в хорошем расположении духа, быстро выпускает дым; напротив, человек, задумавшийся над

---

⁷ Иллюстративные жесты делятся на два важных подкласса по характеру решаемых ими коммуникативных задач. Это **собственно иллюстраторы**, которые ориентированы в основном на денотативный план высказывания и отображают некоторые объекты, действия и понятия (это временные, пространственные или дейктические маркеры, а также кинетографы и идеографы; см. о них: [Крейдлин, 2002]), и **аккомпаниаторы**. Последние направлены на коммуникативный план высказывания, выражая различные коммуникативные установки жестикулирующего, его оценки сообщаемого, адресата и, возможно, сторонних лиц и объектов, а также особенности формирования мысли или текстового сюжета.

чем-либо или находящийся в плохом настроении, делает это медленнее, чем обычно.

Подчеркнем, что мы говорим здесь именно о жестах курильщиков, а не просто о курении как действии, иными словами, речь идет здесь о знаках, показывающих актуальное эмоциональное или ментальное состояние мужчин-телеутов (курящих телеуток я не видел).

Любимые жесты телеутов

Когда я расспрашивал телеутов, есть ли у них какие-то любимые жесты, они ответить мне не смогли. Однако я заметил, что они сидят или стоят, держа одну руку на другой, реже – в замке. Я обратил их внимание на эти позы, заметив в шутку, что они как бы удерживают одной рукой другую, чтобы та не убежала. И они, засмеявшись, согласились, что да, что я «прозорливо заметил это».

И еще: телеуты, когда с тобой разговаривают, смотрят обычно прямо в глаза собеседнику. Этот взгляд в большинстве известных мне культур означает «искренность, откровенность и желание общения с собеседником» [Крейдлин, 2002].

Да- и нет-жесты

Жест *да*, как правило, сопровождается телеутским слом *якиш* ‘да’ и исполняется так же, как у нас, – это кивок головы сверху вниз. А вот жест *нет* не такой, как у нас: говоря *чох* ‘нет, я не согласен’, голова телеута движется в горизонтальном направлении только к одному из плеч, а опущенные руки разводятся в стороны.

Счет на пальцах

Как известно, в Средние века люди могли изображать очень большие натуральные числа на пальцах обеих рук способом, который называют *пальцевым счетом*. Пальцевый счет представляет собой своеобразное письмо, в котором числа изображаются пальцами, и отличается от примитивных жестов пальцев более древних культур, где ограничивались числом 10, то есть числом, которое можно сосчитать пальцами обеих рук.

Позже знаки пальцев, образующие базовую лексику знакового кода пальцевого счета, заменили цифрами, и сегодня этот счет уже почти совсем забыт (как утверждают историки, он в измененном виде остался только у индийских и арабских купцов на Востоке).

Сохранился, правда, один учебник пальцевого счета «De computo vel loquela digitorum», букв.: ‘О том, как считать и разговаривать на пальцах’, автор которого – английский монах-бенедиктинец отец Беде, живший в 700-х гг. Метод, описанный им, состоит в особых приемах загибания и разгибания пальцев, а также возможного последующего, тоже знакового, их движения.

«Если вы хотите сказать *один*, согните мизинец левой руки и положите его кончик на ладонь. *Два* – согните соседний безымянный палец. *Три* – согните и средний палец. *Четыре* – разогните мизинец, *Пять* – разогните безымянный. *Шесть* – вытяните средний, а безымянный согните. Безымянный палец (лат. *medicus*) назывался так, потому что древние считали, что в него идет вена из самого сердца, а шесть – это первое совершенное число, то есть число, равное сумме своих делителей, за вычетом самого числа ($6 = 1 + 2 + 3$). Совершенное число считалось священным, а потому на безымянном пальце носят обручальное кольцо (ср. английское название этого пальца *ring finger*). Для указания числа *семь* надо, вытянув все пальцы, согнуть мизинец поверх ладони. При этом в отличие

от малых числительных (1, 2 и 3), при изображении числа 7 (и, забегая вперед, также 8 и 9) пальцы сгибаются не в среднем, а в нижнем суставе, так что они ложатся на ладонь или мясистую часть большого пальца. Для показа числа *восемь* надо положить безымянный рядом с мизинцем, для показа *девяти* – положить рядом с ними средний палец. Для *десяти* (10) – положить ноготь мизинца на середину большого пальца, для *двадцати* (20) – положить большой палец между указательным и средним» и т. д. (цит. по: [Меннингер, 2013, с. 260–261]).

Для сотен в пальцевом счете используются изображения на правой руке, для тысяч – на левой и т. д. по очереди.

Разумеется, столь сложный и неудобный телесный код не мог сохраниться до сегодняшнего дня. У телеутов от него мало что осталось. Они считают на пальцах, но начинают с большого пальца, или, по-телеутски, *эргек*. Показывая нам, как они считают, женщина открыла ладони и, не загибая пальцев, просто показывала указательным пальцем (*ус салага*) одной руки на пальцы другой по очереди: *opton салага* ‘средний палец’, *ады жок* ‘безымянный палец’, *чычалык* ‘мизинец’.

А цифры десятков у чисел 20, 21, ..., 99, сотен 100, ..., 999 и т. д. телеуты показывают *числом взмахов двух рук* по количеству десятков, сотен и др., показывая ненулевую цифру единиц так же, как у чисел первого десятка.

Как и при последовательном именовании объектов в перечислительных конструкциях, счет у телеутов может сопровождаться ритмичными *взмахами руки сверху вниз*.

Заключение

В ходе интервью с информантами и в свободных монологах телеутов о своей жизни, наряду с прочим, проверялась давно выдвинутая мной гипотеза [Крейдлин, 2002], согласно которой люди в беседах с «чужим» в непосредственном общении лицом к лицу используют больше иллюстративных жестов, чем в разговорах со своими. Данная гипотеза подтвердилась еще раз, уже в процессе нашего общения с людьми другой, неевропейской культуры. И увеличению количества жестов мы приписываем желанию телеутов улучшить коммуникацию, более четко и убедительно излагая свои мысли.

В работе А. Коэн и Р. Харрисон [Cohen, Harrison, 1973] были описаны результаты экспериментов по изучению диалогов и невербального общения в них обычных нормальных людей. Целью экспериментов было определить, какие намерения пытаются выразить и передать партнеры по диалогу с помощью мануальных иллюстраторов. Авторы статьи предположили, что в мультимодальной устной коммуникации число таких жестов растет пропорционально сложности передаваемого сообщения (при условии, конечно, что вступающие в контакт собеседники настроены на достижение успеха коммуникации). Предсказывали авторы также и наличие определенной корреляции между сложностью сообщения и типом коммуникативной ситуации. А именно, они полагали, что максимальное число иллюстративных жестов рук будет при передаче сложного сообщения или при обсуждении сложной для понимания слушающим жизненной ситуации, а минимальное число, наоборот, при трансляции простого сообщения или рассказа о простой ситуации.

В ходе общения с телеутами нами, однако, никакой подобной корреляции выявить не удалось. Это, возможно, связано с тем, что сложность – понятие неформальное и субъективное, и то, что кажется сложным для интервьюирующего, таковым не является для интервьюируемого, и наоборот. Вместе с тем интенсивное и дружеское общение с представителями такой реликтовой и своеобразной культуры, каковой является культура телеутов, позволило выявить еще одну, насколько

ко нам известно, ранее не отмечавшуюся функцию иллюстративных жестов разной семиотической природы. Это – направлять адресата, дешифрующего передаваемое ему сообщение, на расшифровку тех составляющих, которые в вербальном высказывании остались не до конца проясненными.

Список литературы

- Араева Л. А., Андропова К. Д., Фаломкина И. П.* Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «телеутская свадьба») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 238–245.
- Араева Л. А., Ли С. И.* Реализация фрейма «охота» в языковой картине мира телеутов // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (1). С. 201–204.
- Араева Л. А., Образцова М. Н., Зоболева А. И.* Фрагмент языковой картины мира телеутов (на материале фрейма «шаманизм») // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 29 (2). С. 121–126.
- Араева Л. А., Тарасова М. Н.* Родственные связи у телеутов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 24. С. 184–192.
- Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Вып. 4 / Под ред. Ю. И. Александрова, В. Д. Соловьева. М.: ИП РАН, 2010.
- Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Крейдлин Г. Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Тр. междунар. конф. «Диалог 2006: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2006. С. 290–296.
- Крейдлин Г. Е.* Об одной особенности финской невербальной культуры // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XII филологических чтений им. профессора Р. Т. Гриб (1928–1925) / Отв. ред. Б. Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный ун-т. Ин-т естественных и гуманитарных наук. Красноярск, 2007. С. 67–71.
- Крейдлин Г. Е.* Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: Финская и русская жестовые системы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009»). М.: Изд-во РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 224–229.
- Крейдлин Г. Е.* Мультимодальность в сценической деятельности // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: Сб. ст. / Под. ред. О. В. Федоровой, А. А. Кибрик. М.: Буки-Веди, 2014а. С. 8–24.
- Крейдлин Г. Е.* Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика: теоретические проблемы эколингвистики и речевой коммуникации: Сетевое научн. изд. Красноярск, 2014б. № 2. С. 100–120. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kreydlin-G.E..pdf>
- Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И.* Невербальные ритуалы и их разновидности // Ритуал в языке, коммуникации и культуре / Под. ред. Л. Л. Федоровой. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Меннингер К.* История цифр. М.: Центрполиграф, 2013.
- Мосс М.* Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная лит., 1996. С. 242–263. (Ориг. изд. – 1935).
- Cohen A., Harrison R.* Intentionality in the use of hand illustrators in face-to-face communication situations // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 28, No. 2. P. 276–279.
- Cohen P. R., Oviatt S. L.* Multimodal interaction with computers // Encyclopedia of language and linguistics. 2nd ed. / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006.

Nord W. R. Social exchange theory: An integrative approach to social conformity // Psychological Bulletin. 1969. No. 71. P. 174–208.

Perspectives on multimodality / Ed. by E. Ventola, C. Charles, M. Kaltenbacher. Amsterdam: Benjamins, 2004.

Sistrunk F., McDavid J. M. Sex variable in conforming behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1971. Vol. 17. No. 2. P. 200–207.

G. E. Kreidlin

**Body languages of the smaller peoples of Russia:
the sign code of the Teleuts**

The paper analyzes the kernel lexical units of the body language of the Teleuts, one of the smaller aboriginal peoples of Russia. It focuses on gestures and gesture expressions which the author observed and collected himself during his field work with informants in the Teleut villages of Siberia. Some substantial correlations have been revealed between the corporal signs that Teleuts used in their everyday life and their common beliefs, attitudes and rules of behavior.

Keywords: Teleuts, Siberia, semiotic conceptualization of the body, signs, field research.